

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕЧЕНИЯ

«НОВЫЙ ГРАД». №№ 1, 2, 3. Париж 1931-1932. «ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ»
Издание Евразийцев, 1931. «ТРЕТЬЯ РОССИЯ». Париж 1932. «МЛАДО-
РОСС». №№ 1-15. Париж 1930-1932. «ПОВОРОТ». № 1. Рига 1932.

Что собственно надлежит разуметь под довольно многосмысленным понятием «пореволуционности»?

Деятели дореволюционного периода обычно выдвигают против этого термина три батареи: 1) пореволуционность есть категория временная, в ней нет определенного, со всяким после-революционным периодом связанного, идейного содержания; 2) так называемый пореволуционный комплекс идей не несет в себе ничего нового — в действительности он чрезвычайно дореволюционен: это — славянофильство во всех его разновидностях; 3) так называемые пореволуционные организации и психологически и методологически дореволюционны: это все тот-же интеллигентский утопизм в одной сфере — и все та-же кружковщина, как метод, в другой.

Сразу-же признаем, что термин «пореволуционный» надо понимать весьма условно. И разберем кратко вопрос о степени пореволуционности наших: 1) идей, 2) людей, 3) организаций.

Конечно, те идеи, кои ныне принято именовать пореволуционными, в сущности не новы. В этом, впрочем, нет ничего и удивительного — ибо вообще на свете ничего абсолютно-нового не бывает; все «новое» есть всегда лишь новое сочетание извечно-наличествующего. Создавая такое «новое сочетание» мы, вместе с тем, создаем и нечто действительно новое, поскольку в данной — и небывалой — исторической обстановке ищем проекцию этого нового идейного сочетания на современную социальную действительность. «Пореволуционная идеология» для нас истинна не потому, что она пореволуционна, т.-е. возникла после революции (она для нас вечна, ибо как ей: Российская Историческая Идея); мы полагаем, что эта идеология потому и должна стать пореволуционной, т.-е. реализоваться после завершения революции, что она истинна и органически связана со всей диалектикой нашей истории. Через творчество старца Филофея и Дм. Герасимова, славянофилов, Гоголя, Тютчева, Бакунина, Леонтьева, Орцена, Данилевского, Достоевского, Федорова, Бахрушева, Бердяева — до Блока, Белого, Есенина — проходит одна и та-же идея: религиозно-культурной миссии России, «в пределе раскрываемой, как мессианское призвание». И наша Революция, с ее всеземным размахом, с ее уязвимостью искоманием социальной правды, «взлетает и

качествами», кровавой данностью и вселенской заданностью — есть **неминуемый** (негативный) этап тяжелого и ответственного русского пути. В этом плане Революция — лишь начало бессознательного «стихийного выпрямления русской национально-исторической линии», — выпрямления еще только намечающегося, долженствующего осуществиться позднее, в период постепенной «национализации революции». Из этой схемы с очевидностью вытекает, что грядущая пореволюционная эпоха, эпоха реализации заданий, — должна, по нашему убеждению, завершиться под знаком той самой **Российской Идеи**, которую, как чашу, пронесли на воздетых к небу руках наши величайшие «мыслители и провидцы, философы и отшельники, поэты и святые».

Вера в такое именно конечное завершение революции и дает нам право именовать эту исконную, в недрах народной души выношенную идеологию — «**пореволюционной**».

Пореволюционными же в смысле «возникновения после революции» можно только назвать **организации** — да и то не все (например: Парижский Союз Русских Дворян!) — а лишь те, что исповедуют Российскую Историческую Идею в том или ином современном ее отображении.

Что же касается людского матерьяла, дающего «тело» пореволюционным течениям мысли — то состав этот весьма разновозрастен и в этой области деление на поколения — чрезвычайно устарело. Пореволюционны те деятели, которые исповедуют пореволюционные идеи — никакого другого для нас мерил и быть не может. Однако, нет сомнений и в том, что часное время наступит в России еще не завтра — и что людьми его явятся, в массе, именно теперешние молодые. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что как раз молодежь определяет собой, своим стилем и напором, общий облик пореволюционных течений.

Третья батарея — пожалуй, самая серьезная — с точки зрения наших критиков дореволюционного лагеря. Утопизм, кружковщина... Во втором номере журнала мы уже ответили Е. Д. Кусковой: не являлась ли в условиях российской действительности попытка «реалистов» ввести буржуазно-парламентский строй трагического облика утопией? И не овладел ли реальностью патентованный «утопист» — Ленин? Да — утопизм, да — кружковщина. Но только я боюсь, что эта батарея стреляет по воробьям: увы, слаба «ретортная» работа кружков и мало, слишком мало дерзания и утопизма во многих пореволюционных конструкциях!

Наше время можно сравнить с эпохой французских «энциклопедистов», когда закладывался фундамент нового для того времени мирозерцания. Социальный заказ эпохи требует и сейчас от нас не столько конкретных программ (время бежит, они — как опадающие листья), сколько больших идеологических линий, **целостного мировоззрения**, которое должно определить собой надвигающуюся новую

ору. Нам нечего бояться утопизма — чем выше идеал, чем он кажется менее осуществимым — тем больше он очищает души, тем большую духовную силу он вокруг себя сосредоточивает.

Не будем-же преждевременно снижать свою тематику. Придет час — упростиители найдутся. Опошлители — увы — тоже.

Что-же касается того обстоятельства, что пореволюционные течения переживают ныне свой этап «кружковщины», горячо обсуждая вопросы, связанные с исканием целостного мирозерцания.. Ну и очень хорошо, что переживают. Мы не отказываемся от опыта наших предшественников и знаем, что кружковщина — один из целесообразнейших способов подготовки творческих кадров. А это — основная задача пореволюционной эмиграции.

Ежели-бы только вышеперечисленными «грехами» страдал пореволюционный фронт — все обстояло-бы, пожалуй, еще довольно благополучно. К сожалению в наших рядах зреет другая опасность — и на ее преодоление мы должны все обратить самое серьезное и пристальное внимание. Мы недостаточно отдаем себе отчет в том, что мы еще не пореволюционны (революция еще не завершена), что наша пореволюционность (хорошее слово, «ведущее») означает лишь нашу ориентированность на завершение революции, на ускорение ее «национализации». Мы не достаточно понимаем, что мы еще целиком в революции, что мы ее дети, порождение ее духа — и что в этом таятся серьезнейшие, неосознанные опасности.

Дух революции в конечном счете всегда — дух насилия. Не им-ли отравлены (в разных, разумеется, степенях) — и коммунизм, и фашизм, и национал-социализм? Не чувствуется-ли его дыхание в евразийских временниках, в черно-красной «Третьей России», в листках «младороссов»?..

...До-военный мир, погруженный в скепсис и бесплодную мечтательность, — распалзаясь, оседал — разлагаемый культом анархической свободы, свободы бессодержательно-отрицательной — свободы «от», а не свободы «для». В этом смысле февральская революция явилась только последней стадией разложения дореволюционной государственности. Дряблему, одряхлевшему историческому «тезису» пришел на смену грубый и мощный, как сжатый кулак, «антитезис»: культ силы, вера в правду насильственной организации разваливавшегося общества. Почувствовал Есенин:

Новый на кобыле

Едет к миру Спас.

Наша вера — в силе.

Наша правда — в нас!

Но насколько этот исторический антитезис может быть понят — и, при известных условиях, даже оправдан — как процесс, внутри революции развивающийся, — и сам революцию пожирающий, — настолько его динамика беспредметна и жалка за бортом революции. Зерно, попавшее на камень. Мотор, работающий на холостом ходу.

Революция выбросила, в общей массе, также и своих детей за рубежи своего русла... Она же заразила, опьянила своим выхристом немало молодых душ, только за бортом ее уже оформившихся. Но опьянение это болезненное, динамика им вызванная — в эмигрантских условиях — беспредметна. Заразу эту надо преодолеть, изжить — она должна явиться прививкой, создающей иммунитет, необходимый для трезвенного пореволюционного творчества.

Но во многих душах нет еще осознанного волевого порыва к выходу в пореволюционность — их все еще баюкает стихия Революции. Именно по этой причине наиболее последовательные евразийцы, в лице своих самых талантливых идеологов, не смогли стать «третьей силой» и — или отошли от движения — или, сменив веки, преклонились перед марксизмом; именно по этой причине «Третья Россия» обуреваема чисто-комсомольским пафосом анти-христианства и выдвигает свою собственную (люцифернанскую) религию; именно по этой причине зачарованные революцией «младороссы» слепо перенимают революционную фразеологию и создают, рядом с пародией на царя — пародию на ударничество. Стихия повелевает душами — но как же возможна революция вне революции? И вот наиболее примитивными выдвигается лозунг «национальной революции»: хочется иметь — хоть тут, за рубежом — хоть какую-нибудь, — но свою маленькую революцию, перед которой можно преклоняться, в ожидании которой шуметь, кричать, — которую можно клясться и которую можно призывать... Надо всем этим смеяться грешно: это большая — хотя и неосознанная — трагедия нашей эмигрантской молодежи. Да еще самой активной и жертвенной.

Надо ясно отдать себе отчет в том, что никакой «третьей, национальной» революции быть не может, да и быть не должно — ибо таковой (в своей заданности) уже является реально существующая, исторически-данная Революция — «бессознательно, стихийно выпрямляющая линию российского национально-исторического развития»; не бороться с ней надо — а «национализировать» ее, национально углубить, использовать ее людей и динамику для национально-наднациональных достижений. Неужели не ясно, что при наличии еще не завершенной революции — всякая иная сможет вылиться только в формы «революции против революции», т.-е., в конечном счете, контр-революции? Что Россия не может дважды на протяжении двух десятилетий менять свой ведущий социальный слой?

Речь может идти только о некоторой «чистке» выдвинутого социального слоя, о его консолидации и о помощи ему в осознании его пути, как служения Исторической Идее страны. Речь может идти об ускорении известной эволюции настроений в среде активной внутри-русской молодежи, завершенной — если это окажется необходимым — своего рода «расширенным дворцовым переворотом», закрепляющим к тому времени уже фактически происшедшую «национализацию революции».

Надеюсь, что моя мысль достаточно ясна и что нет нужды подробно разбираться в вопросе о грани между революцией и переворотом — и о том, каковы могут быть последствия той и другого в социальной и экономической жизни страны.

Новые направления должны пересмотреть свои утверждения, проверить духовные основы своей динамики; признав свою погруженность в стихию революции, — приложить волевое усилие к преодолению ее соблазнов, постоянно помнить, что пореволюционная (в современном понимании этого слова) означает нашу ориентированность на завершение революции, на ускорение ее «национализации» — как переходного этапа к конструктивному по-революционному периоду, а не на качание исторического маятника от революции к контр-революции и обратно.

Мы, люди пореволюционного сознания, должны в первую очередь преодолеть в себе и в своей среде революционную стихию насилия — во всех ее видах и преломлениях. Тезису (анархическая свобода) и антитезису (революционное насилие) мы должны противопоставить синтез. Таким синтезом могла бы явиться, по моему мнению, добровольно самоограничивающаяся (ради больших целей) свобода; политическая аскеза людей, урезавших свою (и только свою) свободу — во имя освобождения других.

...Все пореволюционные течения стремятся к единой цели — к претворению в жизнь Российской Исторической Идеи (в разных ее преломлениях); солидарны они и в том, что проэцироваться эта Идея должна на современную советскую действительность, в качестве исходной точки для дальнейшего строительства. Что же касается путей — то в этом вопросе имеется ряд вариантов, как идеологического, так и программно-тактического характера.

Какие же течения могут быть нами названы пореволюционными? Таковыми (в неравной степени) надлежит признать евразийцев, устряловцев, национал-максималистов, нео-народников (новоградцев), народников-месснианстов («русских фашистов»), — и, с известными оговорками, «неодемократов» и «младороссов».

Говоря об этих течениях не приходится считаться с количеством лиц, организационно к ним примкнувших; в большинстве случаев каждое течение представлено каким-нибудь одним лицом — и не большим его «окружением». Этим обстоятельством можно объяснить и довольно распространенное явление, которое приходится назвать «болезнью показного размножения» — за недостаточностью размножения действительного: частое выступление малого количества авторов под большим количеством псевдонимов.¹⁾ Отмечаю это явление.

¹⁾ Так в евразийских «Тридцатых Годах» шесть статей написаны одним автором, под своим именем и разными псевдонимами; в «Третьей России» — тоже шесть статей и тоже одним автором.

не в укор тому или иному движению (наиболее количественно значительные часто оказываются наименее ценными качественно) — а просто для того, чтобы отметить характерный для пореволюционных направленный момент: их пребывание в еще зачаточной («индивидуальной») стадии, стадии становления. В этом — залог их творческой потенции; но в этом-же — причины текучести их состава, неопределенности многих из их построений; наконец — в этом-же объяснение односторонности их программ, когда производятся попытки «спроцировать идеологию на действительность». Чрезмерное число «лидеров» имеет и еще одну печальную сторону: оно создает исключительные трудности для организационного объединения пореволюционных течений; массовое выращивание в эмиграции не только опереточных «императоров» и «президентов», — но также гитлеров, лениных, муссолини и бонапартов всех разновидностей — грозное для всех нас предостережение.

Недавний развал евразийства, бесплодная «фашистика» младоросов, дробление еще слабых сил на несколько однородных журналов... Как еще мы далеки от действительно пореволюционной синтетизма, от умения концентрировать наши усилия! Еще раз — кипит и переливается через борт «отрицательная», неумная стихия революции...

«Перепроизводство вождей» — конечно, болезнь всякой эмиграции. Хочется сказать нашим «гражданам пореволюционной России»: попытайтесь хоть в этом отношении не быть эмигрантами!..

Заставьте своих бонапартов наконец сесть за один стол и — хоть в самом основном — но все таки до чего-нибудь договориться!..

...Итак — пореволюционные те течения, что исповедуют Российскую Историческую Идею. Как ее кратко формулировать? Как вырастает она из творчества наших мыслителей?

Это прежде всего — 1) Признание Истории духовно-целесообразным процессом. 2) Утверждение российского мессианского призвания. 3) Исторической миссии России, как жертвенного служения Богу и человечеству — в планах духовном, культурном, социальном. 4) Долг универсального осуществления христианской правды в жизни личной, общественной, государственной, всечеловеческой.

В аспекте сегодняшнего дня новы те течения, которые, кроме того, ставят проблему пореволюционности, как 1) Проблему синтеза (дореволюционная Россия — тезис, революционная антитезис). 2) Проблему преодоления стихии насилия и утверждения христианского духа свободы. 3) Проблему сочетания максималистической идеи с трезвенным и гибким ее претворением в жизнь.

Такая установка, конечно, не означает отказа от волевого упора, необходимого для взрыва коммунистическо-матерьялистического насильничества. Наоборот, перенос «точку приложения» из сегодняшнего дня в завтрашний, новые течения как раз приобретут тот динамизм, ту историческую инерцию, которые только и позволят им

накопить необходимые для этого взрыва духовные и материальные силы.

Но быть может подобная установка чужда многим, тем не менее считающим себя «пореволюционными», молодым? Их не влечет к себе идея свободы, их охватила и задурманила стихия насилия?

Пусть тогда они честно признаются, что в их конструкции Идея и Слово (Логос) — разошлись, что не спастись им в пореволюционную идеологию. Честное признание своей погруженности в стихию революции логически может привести только к одному из нижеследующих практических выводов: или к капитуляции перед стихией (сменовеховство) — или к созданию пародии на стихию (контр-революция). Третьего им не дано. Третье — это наш путь, путь действительно пореволюционный: творческий синтез, действительное преодоление революции «изнутри», ее разрушительных и насильнических элементов, — во имя утверждения положительных, вечных ценностей.

Юрий Ширинский.

**НА ВІЧНУ ГАНЬБУ ПОЛЬЩ,
ТВЕРДИНІ ВАРВАРСТВА В
ЄВРОПІ.** Видання проводу українських націоналістів. Прага 1931.

LA PLUS SOMBRE POLOGNE. Publié par le Comité des organisations ukrainiennes des Etats-Unis et du Canada. Lausanne 1931.

POLISH ATROCITIES IN UKRAINE. Compiled and edited by Emil Revyuk. New-York City 1931.

После войны и российской революции польский народ, прежде раздробленный историей, снова обрел свое единство. Казалось-бы долгое пребывание в состоянии угнетения должно было на практике доказать полякам все преимушества терпимого и культурного отношения к тем народам, что волею судеб оказались ныне поставлены в зависимое от него положение.

Однако, исторические уроки, видимо, урок не идут.

Известно, что Речь Посполитая никогда не обладала даром государственного самоустроения и не ей-бы, думается, ныне захватывать чужие территории, когда и на своей не легко удастся создать сколько-нибудь современный социальный уклад.

Правда, справедливость требует признать, что экстенсивно-империалистическая политика была польскому народу в значительной степени навязана делателями европейской погоды, смастерившими из Польши новое лоскутное государство, разноплеменное, разнокультурное, разноязычное, принужденное поддерживать единство своего искусственно-созданного организма ценою угнетения отданных под его защиту народностей.

Тяжело под полковничьим игом положение Белоруссии; не легка участь Подолии и Волыни. Но ни

с чем не сравнится гнет, который приходится выносить Галицийской Украине.

Когда видишь снимки искалеченных людей, когда вчитываешься в протокольно-сухие документы, перечисляющие бесчисленные злодеяния палачей братского народа — чревовольно охватывает волна гнева и негодования...

Нельзя от души не сочувствовать тем молодым национальным украинским кругам, которые в тигчайших условиях административного террора ведут действительную борьбу с поработителями своей страны. Нельзя не пожелать, чтобы возможно скорее на этой благодатной земле восстановились право и справедливость. III

НАРОДНАЯ ГАЗЕТА, орган русской народной партии на Словакии. Пряшев, 1931-32. Отз. редактор Иван Круцик.

Несколько странный русский язык, своеобразные обороты речи. Но как трогательно и горячо в далекой Прикарпатской Руси помнят и любят старшую сестру — Россию. И как хорошо иногда разбираются в правильности той или иной «позиции», занимаемой эмигрантами в столь остром и больном для нас вопросе об откошении к власти ВКП и сохранности внешних границ нашего отечества.

В номере от 13 марта 1932 года читаем: «Наша Народная Газета есть газетой русских мужиков в Карпатах и их собратьев переселенцев в Америке. Пишем мы обыкновенно о делах, касающихся на-

ших сел и нашего края. В глубине души всех тех наших мужиков, неокончивших высшие школы, но зато сохранивших здоровое подсознание в национальных вопросах, живет интерес к остальным братьям славянам и живет великая, вековая любовь ко всему русскому народу, к России великой и далекой... Любовь нашего народа к России не имеет определенных формы, она не знала и не знает теперь официальной России, ни царской, ни большевицкой, но зато стихийно, как цветок к солнцу, относится с симпатией ко всему, что русское, к людям, к речи, к земле, к религии, ко всей необъятной и непонятной, могучей и все же столь страдающей Руси...»

Сообщая о патриотическом выступлении в Париже П. Н. Милюкова по вопросу о дальневосточном конфликте, газета замечает: «...освобождения России со стороны японцев ожидать нельзя. Если не освободили Россию братские чехословацкие легионы и другие союзники, тем менее охотны то сделать японки. Русский народ освободит себя сам. Поводом послужит к этому, может быть, как раз война, выпровоцированная японцами, — если русская армия победит, сделает порядок дома, как сделала армия Наполеона во Франции. На Дальнем Востоке назревают события... Все признаки свидетельствуют о том, что Япония не остановится перед ничем, как не могла остановиться Германия в 1914 году. Симпатия всего мира, однако, окажутся, разумеется, на стороне России, ибо она защищает свою землю. Будет то

последнее испытание русского народа, но в войне возродится национальная Россия, которую все желаем. Наши симпатии на ее стороне и неприкосновенности русской земли. Бог Всевышний да будет милостив к русскому народу в грядущих на него тяжелых испытаниях судьбы».

Жаль, что русские эмигранты редко читают «Народную Газету»...

Ш.

А. ЮГОВ. Пятилетка. Послесловие Ф. Дана «Перспективы генеральной линии». Издание «Социалистического Вестника», стр. 168.

Довольно обширная эмигрантская литература о пятилетке не отличается объективностью. Большинство авторов находится во власти своего ушибленного самолюбия — партийного или профессионального, затемняющего их сознание и вызывающего у них злобу и раздражение, недостойные научной критики. Эти авторы не подозревают, что уже одно это ушибленное самолюбие есть показатель их общей положительной оценки пятилетки, несмотря на всю их так называемую «уничтожающую» критику. Ибо откуда же могла появиться у эмигрантских политиков, экономистов и инженеров сама ушибленность, как не от сознания вынужденного своего неучастия в таком — грандиозном, национальном значении, строительстве? Эмигрантские критики ненавидят пятилетку больше, чем саму революцию.

Может быть это не злоба, а бла-

городное негодование? Если ли это так. Негодование всегда бескорыстно, злоба всегда эгоистична. И поэтому-то злоба прибегает к недостойным средствам — подтасовки фактов, лжи умолчания, умысленному освещению какой-либо одной стороны дела и т. д. Именно этими недостатками отличается, за редкими исключениями, эмигрантская критика пятилетки.

Книга Югова представляет собой как раз такое исключение. В ней, кроме скучного и ненужного послесловия Дана, нет политики, нет партийщины, нет никакой личной отсебятины — в ней спокойное изложение фактов, взятых из первоисточника советских информационных изданий. В книге Югова нет никаких коварных «экстрополяций» статистических данных и произвольных «толкований», к которым так склонны мудрые передовики эмигрантских газет. Критика Югова чрезвычайно проста, бесхитростна и без всяких претензий на «глубокомыслие» и потому-то она сильна и глубока. Она построена на изложении фактов и цифр в таком порядке, в котором скрыта простая внутренняя логика: вот так было, вот так стало, вот так было предположено и вот на лицо такие-то по свидетельству советских источников препятствия для осуществления плана. Автором сделаны те выводы, которые можно было-бы и не делать, ибо они очевидно вытекают из представленного материала и сами собой напрашиваются всякому, даже неискушенному в статистике, читателю.

Главная ценность книги Югова

в том, что он дал оценку пятилетки во всем ее объеме и при этом распределил свое внимание на отдельные стороны проблемы в той именно пропорции, которая содержится в отношении этих сторон в самой пятилетке.

Благодаря всестороннему освещению фактов автору удалось представить читателю хозяйственный процесс на фоне общего культурного процесса жизни. Получилась чрезвычайная выпуклость и объективность. В соответствии с этой объективностью автор правильно не ставит, подобно другим критикам, вопрос: «осуществима ли пятилетка?», а рассматривает вопрос этот в форме: «осуществляется ли пятилетка?». И он не боится, в соответствии с фактами, признать, что: «и в индустрии, и в сельском хозяйстве немало отраслей, количественный рост которых замедлен, но, в среднем, показатели роста продукции весьма близки к требованиям пятилетки, а иногда и превышают их. Хотя и создано не мало «узких мест» и противоречий, однако производительная часть пятилетки все-же осуществляется быстрее, чем это предполагали ее противники».

Переходя к тем заданиям пятилетнего плана, которые связаны с удовлетворением материальных, социальных и культурных нужд населения, автор столь-же объективно констатирует, что выполненные пятилетки в этой сфере (особенно культурной) — очень далеко от планов. В соответствии с этим весьма убедительно звучит общий вывод автора: «серьезное изучение итогов 2 с половиной лет пятилетки должно при-метно.

вести к выводу, что нет выполнения пятилетки, как плана подъема хозяйственного и культурного уровня страны, а имеется лишь гипертрофия роста производства за счет омерзвления или деградации социальных и культурных условий» (стр. 133).

Книга Югова без всяких оговорок может быть рекомендована читателю по-революционного сознания.

М. А.

Я. А. БРОМБЕРГ. Запад, Россия и Еврейство. Опыт пересмотра еврейского вопроса. С предисловием В. Н. Ильина. Прага. Издание евразийцев.

Вот иногда так случается — о книге хочется сказать: наверно хороший человек ее писал и преисполнен был намерениями похвальными — а уж лучше-бы ему заняться чем-нибудь другим. Своими напыщенными вещаниями, легковесными и претенциозными, гражданин Бромберг не убедит «ни эллина, ни иудея». Странная вообще затея — издание этой книги. Надо думать — некоторые евразийцы решили «перестраховаться» от обвинений в антисемитизме, в свое время упорно против них выдвигавшихся. Со всем этим, повидимому, довольно наивно связываются какие-то тактические перспективы.

Однако, чтобы не цитировать автора предисловия, В. Н. Ильина, — «никаких признаков подлинно-углубленного подхода к единственной в своем роде, жгучей и страшной проблеме Израиля» во всей этой книге не за-

В. М.

**ВЕСТНИК СОЮЗА РУССКИХ
ДВОРЯН.** Выпуск второй. Париж 1931.

Поистине, — бумага все терпит. После всего случившегося — помолчать-бы. Так нет-же — в Париже какие-то чудаки, лишённые самого примитивного чувства юмора, организовали «Союз Русских Дворян». Ничего не случилось. Не было русской революции. В Сен-Бриаке сидит «царь». В Париже объединяются и разъединяются «дворяне»...

«...Председатель Собрания оглашает доклад Совета о выходе из Союза Объединений Курского и Петроградского, а также и молодежи из кружка, равно и принципиальную часть доклада о дальнейшем направлении деятельности и работы Союза Русских Дворян и просит Общее Собрание высказаться по этому вопросу... Л. А. Казем-Бек вносит предложение не голосовать эту принципиальную часть доклада, а предварительно передать ее на заключение губернских объединений...»

Это — из «Сатирикона»? Нет — из «Вестника Союза Русских Дворян»... **В. М.**

BIRMINGHAM BUREAU OF RESEARCH IN RUSSIAN ECONOMIC CONDITIONS. Memorandum № 2. July 1931. Memorandum № 3. October 1931. Memorandum № 4. February 1932.

В трех справочниках мы находим выпуклый и добросовестный подбор цифр, дающих в области экономической статистики

ценнейший материал. Много сделано для приведения «к одному знаменателю» трудно сопоставляемых определений, как, например, качественной и количественной оценки производства. Помимо описательной стороны дела, пояснительная записка к таблицам уже намечает подход к загадкам, стоящим за приведенными итогами, вне пределов экономики.

Меморандумы издаются систематически — каждый посвящен определенной проблеме. Когда их цикл завершится, интересно будет узнать мнение авторов о том, например, — в какой мере хозяйственные порядки созданы в России хозяйственными и другими распорядами «заграницы». Впрочем — вопросов могло бы еще быть задано много, — и в числе их: не есть-ли столь добросовестное и серьезное документирование иностранцев о том, как отстраивается ныне Россия, как она осуществляет предпосылки для своего экономического самодовления, как растет ее экономическая обороноспособность — не есть-ли это некое не вполне патриотическое действие? И не лучше-ли предоставить иностранцам самим разбираться в лабиринте коммунистической статистики?

В. М.

НИКОЛАЙ РЕРИХ. Держава света. К-во Алатас в Чураевке, Саусбери, Коннектикут, Сев. Америка.

Один из столбов русской живописи, крупный художник Н.

Н. Рёрих за последнее десятилетие значительно усилил и развил в области «мировом масштабе» свою культурно-просветительную деятельность, полную подлинного человеколюбия, исполненную порыва к немеркнущему свету. «Держава света», последняя его книга, вся полна веры в высокое призвание человека, в силу человеческой культуры в лучшем и глубочайшем смысле этого слова, веры в то, что Единый Сущий культивирует человечество для святой, возвышенной цели. Автор исполнен мудрого смирения. Он повидимому посвящен в многие тайны Востока, но остался верен русской народной традиции, русским святыням.

Удивительнее всего, что широчайшая по своему размаху деятельность Н. К. Рёриха, хорошо известная культурному человечеству обоих континентов, упорно и как-будто нарочито замалчивается в русской прессе. Это тем более странно, что не только его произведения незаурядны, но и вся деятельность его, как она вырисовывается по целой серии выпущенных книг, являет собой мощное и самобытное проявление русского духа в универсальном его аспекте.

Н. Ф.

« VU », *hebdomadaire illustré*.
№ 192. Enquête au pays des
Soviets. Paris 18-xi-31.

В ноябре прошлого года вышел специальный № журнала «Vu», посвященный современной России. Как и следовало ожидать, он вызвал бурю самых разнородных

отзвуков: с одной стороны классическое возмущение, с другой — мало обоснованный энтузиазм.

Целый ряд снимков (к слову сказать — прекрасно исполненных) долженствует дать наглядный облик русской жизни во всех ее видах. От этих фотографий, в целом, веет каким-то невыносимо-пошлым благополучием и мещанским довольством. Кодак — предмет послушный (да и руки, им орудующие, тоже). Но откинув элегантных работниц в платьях от Lanvin; рабочих в белых брюках, играющих в теннис; не останавливаясь на обозрении модных пляжей — мы не можем не отнестись серьезно к видам Магнитостроя или Днепростроя, к ирригационным каналам, к новым заводам. Снимками этих последних разрушается миф, прочно внедрившийся в некоторых кругах эмиграции, согласно которому Россия представляет собой груду развалин, а каждая попытка строительства усиливает общую разруху. Если на photographиях и не слишком убедительны праздничные, откормленные лица рабочих — то за то плотины Днепростроя наглядно доказывают, что пятилетка успешно осуществляется; нефтяные колодцы, здания фабрик, виды городов много показательнее, конечно, чем отчеты о том, сколько не хватает чайных ложек в столовых или что в кооперативах попадаются шестипалые перчатки.

Помещенные в номере статьи не заслуживают рецензии: слишком уж навязчива их тенденциозность. Впрочем, укажу на заметку де Монзи — она может быть

полезна молодым эмигрантам (и даже интересна), скато и наглядно излагая сущность и общую структуру советского государственного устройства; пояснительны и приложенные к ней схемы.

В итоге, отбросив более или менее добросовестное ослепление авторов и фотографов, мы должны все таки признать, что отчетный номер французского журнала дает ценную для эмигрантов картину того нового быта России, который так охотно многими игнорируется — и который нам необходимо внимательно изучить и прочувствовать.

И главное: напоминает нам, что Россия страна живая, строящаяся и с великим будущим. Л. С.

С. ДМИТРИЕВСКИЙ. Советские портреты. Изд. Стрела. Берлин 1932.

Перед нами — новый зигзаг сложного пути талантливого невозвращенца. Сначала от Цезаря к Вашингтону, теперь от Вашингтона к «народному царю». Можно, нам думается, не выходя за между пореволюционности, утверждать и монархическую форму разрешения российской проблемы; только после-революционный советский монархизм едва-ли идеологически связуем с эмигрантскими мечтами о реставрации легитимизма. За «народным»-же царем Дмитриевского, через призму «Младоросской Искры», как-будто уже начинает обрисовываться ясное дореволюционная тень зарубежного «законного» императора. Куда дальше? Трудно ска-

зать. «Буферное» примечание к предисловию предвещает и еще горшие тупики...

«Нет еще новой системы идей» пишет автор на одной из последних страниц своей книги. Замечание справедливое. Вот как раз эту новую систему и надо искать — притом не увлекаясь «повторением пройденного».

Но отбросим политические блуждания С. В. Дмитриевского — он может быть еще и найдет свою дорогу; во всяком случае никто не в праве усумниться в искренности его исканий. Займемся книгой. Она исключительно интересна и написана, как всегда, прекрасно. И те выводы, которые из нее напрашиваются — может быть вопреки воле автора, подтверждают правильность наших, а не его (новых) позиций.

Ознакомившись с «Советскими портретами» читатель много лучше поймет творящееся в России «на верхах» компартии, лучше сможет расценить то или иное событие внутренней жизни СССР, правильнее учтет те силы, которые нам предстоит частью преодолеть, частью использовать.

Дмитриевский пишет прямо, открыто и глаз у него зоркий. Рецензируемая книга — ценный подарок всякому, изучающему современную Россию. Ш.

УТЕС. Литературно-художественный ежемесячник. № 1. Декабрь 1931. Вильна.

Среди многочисленных, литературно-художественных журналов издающихся в лимитрофных го-

сударствах, первый номер журнала «Утес» сразу-же обращает на себя внимание техническими достоинствами: хорошая и четкая печать, отсутствие опечаток, ясные клише. Содержание журнала разнообразно и если не всегда одинаково ценно с точки зрения художественной, то, во всяком случае, всегда занимательно. Все же редакции журнала не удалось избавиться от некоторого налета провинциализма, налета не слишком досадного, но чрезвычайно характерного для всех лимитированных изданий. Провинциализм этот особенно заметен в женских стихах и женских рассказах, иногда гимназически-очаровательных (рассказ «Страдательный залог» Лидии Сеницкой), иногда претенциозных. Со стихами не все благополучно.

Рассказы — «Встреча» Аполлоса

Соллогуба и «Вера Николаевна» В. Мансуровой совсем неудачны, особенно второй. В критическом отделе обращают на себя внимание статьи «Поэты Чисел» П. Каценельсона, с отдельными оценками которого однако можно не соглашаться, и черзчур сжатая, к сожалению, статья Д. Бохана о мистической эпопее Ю. Словацкого «Король-Дух». Статья С. Бохан о творчестве Розанова «Неразгаданный мыслитель» прекрасна и гораздо удачнее ее стихотворения в прозе «К Немцу».

Во всяком случае следует порадоваться усилую, которое сделала редакция «Утеса», выпуская в наших тяжелых зарубежных условиях журнал, посвященный литературе и искусству. Будем надеяться, что первый номер — не последний.

А. Л.

К ОРГАНАМ ПЕЧАТИ

Предлагается всем органам печати обмен изданиями. В случае помещения отзыва об «Утверждениях» — просьба высылать 3 экземпляра в Редакцию.

К ЧИТАТЕЛЯМ

После выхода из печати первой книги «Утверждений» Редакцией было получено 112 писем с вопросами и критическими замечаниями читателей. После выхода второй — 137.

Редколлегия рассчитывает, что на этот раз каждый читатель напишет, что думает о журнале, что хотел-бы в нем найти, в какой форме мог-бы принять участие в общей работе. Журналу нужно иметь возможно больше корреспондентов на местах — особенно в приграничных с Россией странах и Америке. Нужны представители по распространению «Утверждений» и «Завтра». Лица, следящие за местною печатью и могущие систематически присылать вырезки.

Редакционная Коллегия просит и впредь направлять всю переписку, статьи, вырезки с отзывами и книги для рецензий по адресу: G. Schirinsky-Schikhmatoff, 29, Rue Barbès, Issy-les-Moulineaux (S.).

Библиотеки и пореволюционные организации, выписывающие книги из Редакции, за пересылку не платят.